
Архив Дьявола
Отель „Жизнь“
SERJ STEFANOVICH
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Serj Stefanovich

Архив Дьявола. Отель «Жизнь»

«Автор»
2026

Stefanovich S.

Архив Дьявола. Отель «Жизнь» / S. Stefanovich — «Автор», 2026

Вы уверены, что мысли в вашей голове принадлежат вам? А годы, которые вы ещё не прожили, никто не выставил на продажу?Лола умеет выглядеть счастливой. Правильный ракурс, дорогой бокал, улыбка для чужих глаз. Но однажды в её голове появляется голос, которому плевать на красивую картинку. Он знает, куда ударить, и говорит то, чего она не признаёт даже себе.Макс строит бизнес, следит за здоровьем и рассчитывает на долгую жизнь. Пока вечерняя пробежка и попытка спасти котёнка не заканчиваются смертью. Несчастный случай? Только не для тех, кто только что присвоил оставшийся ему пятьдесят один год.За смертью Макса ждёт не суд и не пламя. Его ждут очередь, равнодушная сотрудница и пустой баланс.Добро пожаловать в отель «Жизнь». Здесь за вашими годами следят внимательнее, чем за вашими грехами.

© Stefanovich S., 2026
© Автор, 2026

Serj Stefanovich
Архив Дьявола. Отель «Жизнь»

Глава 1

В кабинете пахло сухой лавандой, дорогим диффузором и чужим стыдом. За тяжелыми льняными шторами шуршал серый ноябрьский дождь, размазывая огни вечерней Москвы в мутные желтые пятна.

Психотерапевт - мужчина пятидесяти лет в безупречно мягком кашемировом кардигане - положил кожаный блокнот на колени. Щелкнул дорогой ручкой.

- Вы выглядите иначе, Лола, - негромко произнес он, вглядываясь в ее лицо поверх тонких очков. - Спокойнее. И одновременно… в отчаянье. Где вы пропадали две недели? Мы ведь договаривались не прерывать терапию на острой фазе.

Лола сидела в глубоком велюровом кресле.

На ней не было привычного слоя косметики - только бледная чистая кожа, темные круги под глазами и распущенные, чуть влажные от дождя волосы. Пальто висело у двери на плечиках. Никаких поз. Никакого желания казаться кем-то другим. Руки спокойно лежали на коленях, и в них не было телефона.

Она слабо, краешком губ, усмехнулась:

- Я хоронила чужую жизнь, доктор. И пыталась услышать снова внутри тот голос.

- Зачем? Он же вас сюда и привёл, вы хотели от него избавиться. А теперь хотите вернуть? Что же произошло, что вы поменяли своё решение?

- Всё началось в тот понедельник, - тихо сказала Лола, глядя в темнеющее окно. - В метро. Наверное, в понедельник всё и начинается…

Поезд резко дернулся, вылетая со станции в душный черный тоннель.

- Блядское метро, - процедила Лола сквозь зубы, вжимаясь плечом в холодную стеклянную перегородку у дверей.

Мужчина в мокрой дубленке, которого она задела локтем, даже не поднял головы от экрана. Лола смерила его презрительным взглядом. А зря не смотрит. Сегодня она была безупречна: черное приталенное пальто, белые кеды из лимитированной коллекции (за которые она отдала аванс), небрежный узел волос, на создание которого ушло полчаса и полбаллона лака. На губах - матовый нюд. На лице - плотный слой флюида, стирающий поры и усталость.

В телефоне - включенный фильтр «Paris».

В паспорте - двадцать восемь лет.

В жизни - понедельник.

Она разблокировала экран. До станции «Деловой центр» оставалось семь минут. Три новых лайка. Два сообщения в дейтинге. Один просмотр сторис от бывшей однокурсницы, которая в прошлом месяце выскочила замуж за какого-то айтишника из Дубая.

Лола машинально растянула губы в красивую, отрепетированную улыбку. Не потому, что внутри шевельнулась радость. Просто улыбаться в стекло и в объектив она научилась задолго до того, как научилась слышать саму себя.

К двадцати восьми годам жизнь в ее голове должна была выглядеть как доска визуализации в Pinterest. Своя квартира с панорамными окнами в пол. Белый кроссовер. Красивый, подтянутый муж с хорошими часами и уверенным голосом. Ребенок - пока один, одетый в бежевый льняной комбинезон. Собака редкой породы. И балкон с видом на океан на отдыхе, где она встречает рассвет в шелковом халате, держа в тонких пальцах тонкую ножку бокала.

Лола знала каждую деталь этих будущих фотографий.

Беда была лишь в том, что пока всё это принадлежало другим.

Сама Лола жила на конечной станции серой ветки, на девятом этаже панельного дома с облупленными лифтами. В однушке с тусклыми обоями в мелкий цветочек, скрипучим про-

давленным диваном и древним холодильником «Атлант», который по ночам вздыхал и дребезжал компрессором, словно умирающий старик. На узком подоконнике стоял пластиковый стаканчик с засохшим стеблем мяты. Лола уже полгода собиралась его выбросить, но проходила мимо. Зачем? Это ведь не ее дом. Это временно.

Всё ее существование держалось на одном спасительном слове: пока.

Пока снимаю.

Пока езжу под землей.

Пока одна.

Пока работаю личным помощником у стареющего самодура за оклад, которого хватает на аренду, латте на кокосовом и на пару вылазок на выходных.

Главное - не пахнуть бедностью. Не выглядеть той, у которой ничего нет. Лола довела этот навык до виртуозности. Каждую пятницу она шла в новые рестораны и бары - высматривала локации в лентах модных блогеров. Заказывала самый дешевый эспрессо или бокал просекко, тянула его два часа, позировала у мраморных колонн, светящихся зеркал и вывесок с неоном.

Делала сорок дублей. Выбирала один. Тщательно убирала прыщик на подбородке.

Выкладывала:

«Влюблена в этот город и в эту жизнь»

Собирала урожай из белых сердечек. Возвращалась на ночном метро домой. Смывала тональный крем гидрофильным маслом. Садилась на скрипучий диван в темноте.

И слушала, как за стеной капает вода в чужом санузле и скрипит кровать, страдая от любви.

Поезд заскрежетал тормозами. Экран мигнул: новое сообщение в приложении знакомств.

Мужчина, тридцать шесть лет. Аккуратная борода, дорогой пиджак, снимок за рулем немецкого внедорожника, снимок на фоне альпийских вершин.

«Привет. Редко пишу первым, но у тебя удивительные глаза. Кофе сегодня вечером?»

Она открыла диалоговое окно, занесла палец над клавиатурой, собираясь ответить кокетливо и сдержанно…

И в эту секунду где-то в затылке, тихо, лениво и отчетливо, прозвучала мысль:

«Пиздит как дышит. Машина прокатная, куртка с рынка, а дома ждет ипотечная двушка в Люберцах и немытая сковородка».

Лола замерла. Палец завис над стеклом.

Она моргнула, тряхнула головой. Чушь какая-то. Откуда это взялось? Она ведь даже не знает его. Но ощущение чужой дешевой фальши было таким плотным, будто мужчина стоял перед ней без одежды.

Она смахнула уведомление и посмотрела в темное окно вагона. Поезд летел сквозь мрак. Из черного стекла на нее смотрело ее настоящее отражение. Уставшие глаза, опустившиеся уголки губ, серая тень под подбородком. Лицо испуганной, загнанной женщины, которая смертельно устала бежать стометровку на каблуках.

Лола быстро подняла смартфон, поймала своё отражение во фронтальную камеру и нажала затвор с фильтром. Экран вспыхнул теплым золотом. Кожа натянулась, глаза засияли фарфоровым блеском.

Щелк.

«Вот теперь порядок», - подумала она.

«Грёбаное чучело», - мягко, почти с жалостью отозвалось внутри.

Лола спрятала телефон в карман и вышла в людской поток на эскалатор, сделав вид, что ничего не услышала.

Офис пах перегретыми системными блоками, дешевым освежителем воздуха и дешёвым кофе.

Огромный опенспейс стеклянной башни гудел, как пчелиный улей, из которого выкачали весь мед. За прозрачной стеной кабинета восседал генеральный - грузный пятидесятилетний хам в итальянском костюме, привыкший орать на подчиненных и многозначительно похлопывать молодых практиканток по плечам. Вокруг него кружили две ведущие менеджерки - с искусственным смехом, декольте и готовностью ехать на любой тимбилдинг за город.

Лола ненавидела их всех. И одновременно сжигала себя завистью к их уверенности.

Она опустилась в офисное кресло, сбросила туфли под столом и включила монитор.

Через две минуты на край ее стола опустился картонный стаканчик. От него шел густой пар с ароматом.

- Двойной капучино без сахара. Пенка плотная, как ты любишь, - раздался спокойный голос.

Малик.

Он стоял рядом - подтянутый, в свежей темно-синей рубашке с закатанными рукавами, с открытым, чистым лицом. Ему было двадцать семь. Он работал в отделе аналитики, не строил из себя акулу бизнеса, не сыпал терминами из бизнес-тренингов и почему-то каждое утро находил время зайти в кофейню на углу, чтобы принести ей кофе. Просто так. Ничего не требуя взамен.

- Спасибо, Малик. - Лола улыбнулась своей дежурной, слегка снисходительной улыбкой светской львицы. - Сколько я должна?

- Брось. - Он тепло улыбнулся. - Если освободишься в обед, спустимся во внутренний дворик? Там снег первый обещают. Поболтаем.

- Посмотрим по завалу, - уклончиво ответила она, глядя в экран.

Малик задержал взгляд на секунду дольше обычного, кивнул и легко зашагал к своему столу в дальнем ряду.

Лола проводила его глазами. Ровная широкая спина, уверенная походка, потертые, но идеально сидящие джинсы.

В голове привычно закрутилась мамина шарманка, въевшаяся в подкорку с молоком и детскими слезами: «Симпатичный мальчик. И что толку? Зарплата рядового клерка, живет с другом в двушке, машины нет. С таким только нищету плодить да на распродажи бегать. Любовь пройдет через три месяца, а жрать что будете?»

Она взяла стаканчик, чтобы вдохнуть аромат кофе.

«Зато он живой, дура, - раздалось внутри так отчетливо, будто кто-то сидел на соседнем стуле и шептал прямо в ухо. - Посмотри, как он рубашку гладит. Сам. Без прислуги. И кофе помнит. А твой начальник на корпоративе перепутает твое имя с именем своей секретарши из девяностых».

Лола дернулась, расплескав пенку на клавиатуру.

- Прекрати, - пробормотала она вслух.

Сидевшая напротив коллега удивленно вскинула брови:

- Ты мне, Лол?

- Нет. Мысли вслух. Отчет проверяю.

Она нервно вытерла стол салфеткой. Но взгляд снова скользнул через зал. Малик наклонился над монитором, поправляя воротник. Лола вдруг поймала себя на том, что смотрит на линию его шеи, на сильные смуглые предплечья. Внизу живота неприятно и сладко потянуло теплом. Сердце сбилось с ритма.

«Ты ведь хочешь его, - прошелестела мысль, ядовитая и трезвая. - Хочешь, чтобы он сгреб тебя прямо на эти счета-фактуры и заставил орать так, чтобы генеральный за стеклом подавился своей сигарой. Ты живая баба, Лола. Тебе выть хочется от поиска идеальной жизни. А ты сидишь и считаешь его кредитный рейтинг».

Лола зажмурилась, вцепившись пальцами в край стола. К щекам прилил удушливый стыд.

«Я не такая. Я не позволю себе опуститься до этого. Мне нужна нормальная семья. Стабильность. Статус».

«Тебе нужен склеп с белыми диванами», - хмыкнул голос. И замолчал.

В час дня офис опустел.

Сотрудники потянулись на офисную кухню. Малик достал из рюкзака стеклянный контейнер с рисом и тушеными овощами, оглянулся на нее, вопросительно приподняв бровь. Лола демонстративно достала сумочку, надела пальто и пошла к лифтам.

Контейнеры с едой вызывали у нее почти физическую тошноту. В ее детстве мать всегда мыла и сушила полиэтиленовые пакетики, складывала вчерашние макароны в стеклянные майонезные баночки и совала ей в ранец со словами: «Ничего, в столовой дорого, свое поешь». Лола до сих пор помнила этот запах теплого пластика и вареных яиц, от которого в школьном коридоре хотелось провалиться сквозь землю. Ссобойка была несмываемым клеймом провинциальной нищеты.

Она спустилась в сетевое бистро на первом этаже. Заказала по купону комбо: сухой чикенбургер и стакан колы без сахара со льдом. Села у панорамного окна.

Развернула бумагу. Еда была безвкусной, булка липла к зубам, зато вокруг сидели люди с ноутбуками, играл легкий инди-поп, и это казалось частью большого, правильного мира.

Телефон завибрировал в ладони. Лола вздрогнула и задела стаканчик с колой.

На экране замигала иконка Telegram. Видеозвонок.

«МАМА».

Лола тяжело выдохнула, проглотила сухой ком и провела по экрану.

На дисплее возникло лицо матери - крупное, с оплывшими щеками, снятое снизу вверх. Сзади стоял полированный сервант с сервизом «Мадонна», который доставали раз в пять лет. За ним виднелись обои в коричневый ромбик.

- Лолочка! Ну наконец-то! Я уж думала, опять на совещании у своего важного!

- Привет, мам. Я на обеде.

Мать прищурилась, вглядываясь в экран через толстые стекла очков:

- Что это ты жуешь? Опять гадость токсичную? Говорила же: язву наживешь! Суп надо есть, горяченькое, первое и второе. В термос налила бы…

- Мам, никто не носит термосы в Сити, - устало перебила Лола. - Ты что-то хотела?

Мать помолчала, и ее лицо вдруг странно, жалобно обмякло. Исчезла привычная командирская спесь, с которой она тридцать лет проверяла дневники и отчитывала отца за каждую лишнюю копейку.

- Хотела, доченька. Ночью сердце прихватило опять. Скорую вызывала. Лежу вот, думаю… Лол, ну сколько можно одной-то? Двадцать восемь годков уже. Я в твои годы с тобой на руках уже горя не знала, знала, ради кого живу. А ты всё летаешь. Я ведь внуков хочу, Лолушка. Хоть одного. Пока ноги носят, пока понянчить успею.

У Лолы перехватило дыхание. Она ожидала упреков, но эта слезливая, удушающая нежность была в сто раз опаснее.

- Мам, ну я же не могу выйти за первого встречного…

- Да господи с ними, с богатствами этими! - вдруг махнула рукой мать, и в уголке ее глаза блеснула настоящая слеза. - Я ведь раньше глупая была, всё твердила: ищи при деньгах, чтоб не мыкалась, как я с твоим отцом-алкашом. Найди просто человека. Доброго. Чтоб не пил, чтоб руки не распускал, чтоб любил тебя. Ну хоть какого, Лол! Хоть слесаря, хоть клерка твоего! Сошлись бы, ребеночка родили… Я зарплату откладываю, помогу на первое время!

Лола сидела, не в силах пошевелиться. Внутри поднималась горячая, удушливая волна ярости.

«Какая прелесть, - лениво протянул внутренний голос. - Двадцать лет дрессировки - коту под хвост. Сначала вбивала тебе в голову, что без миллионера ты кусок дерьма, а теперь согласна сдать тебя в утиль по акции. Лишь бы в подоле принесла».

- Мама, - с трудом разжимая зубы, сказала Лола. - Я не собираюсь рожать «хоть от кого». И жить с кем попало в коммуналке я тоже не буду.

Мать мгновенно подобралась, всхлипнула и снова включила привычный менторский тон:

- Ну и дура! Сиди дальше со своими картинками! Только где ты нормального найдешь? По кабакам своим ночным? В темнотище этой, где музыка по мозгам долбит? Туда только похотливые кобели ходят! Если уж знакомиться - так в театре! Или в приличном ресторане днем, где профессура обедает, директора! Надень юбку ниже колена, сядь скромно, закажи чай… А ты всё хвостом вертишь… Ладно, валидол под язык положу. Подумай, Лола. Молодость - она как вода сквозь пальцы.

Экран погас.

Лола сидела неподвижно. Остывший кусок бургера казался комком сырой глины.

Внутри стоял такой плотный гул, будто по голове ударили медным тазом. «Найди хоть кого-то». «Внуков хочу». «В театр сходи». Годы попреков, лекций, бесконечного страха стать такой же, как мать - брошенной, злой, считающей мелочь на кассе - слились в один липкий ком.

«А в офисе сидит Малик, - тихо, почти ласково шепнул голос. - Не пьет. Добрый. На обед звал. Всё в точности, как матушка просила. Так почему же тебя тошнит от одного взгляда на его ланч-бокс?»

Лола скомкала обертку и швырнула ее в мусорку.

- Потому что я не сдамся, - сказала она в пустоту.

Вечером пятницы она стояла посреди модного бара на Патриарших.

Гремел глубокий бас. Воздух был пропитан дорогим парфюмом, дымом вейпов и запахом устриц. Вокруг смеялись ухоженные женщины с точеными скулами и мужчины в кашемировых пальто, небрежно брошенных на спинки стульев.

Лола пила свой единственный джин-тоник крошечными глотками. Она сделала фото у золотого панно. Выложила. Получила пятьдесят лайков за десять минут.

К ней подошел мужчина. Дорогие часы, расстегнутый ворот рубашки, тяжелый взгляд хозяина жизни.

- Скучаешь, красавица?

Лола ослепительно улыбнулась:

- Наблюдаю.

Они проговорили полчаса. Он рассказывал про свои криптопроекты, про дом на Бали, сыпал названиями брендов. Лола слушала, чувствуя, как внутри расправляются крылья. Вот оно. Настоящее. То, ради чего стоило терпеть.

А потом он наклонился ближе, обдав ее запахом дорогого бурбона и несвежего табака, и положил тяжелую ладонь ей прямо на бедро. Грубо, по-хозяйски.

- Поехали ко мне. У меня пентхаус на Пресне. Посмотрим на ночной город.

Лола замерла. В глазах мужчины не было ничего. Ни интереса, ни тепла. Только сытая, ленивая похоть покупателя на мясном рынке.

«В бардачке у него обручальное кольцо, - ледяным тоном произнес голос внутри. - А в пентхаусе детская комната с розовыми обоями. Утром он вызовет тебе эконом-такси и сунет пять тысяч на косметику, чтобы ты не ныла».

Лола сбросила его руку.

- Извините. Мне пора.

Мужчина скривился, мгновенно потеряв лоск:

- Да ладно тебе цену набивать. Сама же сюда за этим приперлась. Шлюху в себе не задушишь, - крикнул он ей вслед.

Она выскочила на морозную улицу без шапки, хватая ледяной воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Слез не было - было только тошнотворное ощущение, будто ее только что оценили со скидкой на опте.

Лола встала под фонарем, дрожащими пальцами разблокировала экран. Ей физически, до дрожи в зубах захотелось услышать нормальный, спокойный человеческий голос. Просто чтобы кто-то сказал: «Привет! Ты как?»

Она открыла контакты. Вбила в строку поиска: «Малик».

Пусто.

Она моргнула. Переключила раскладку. «Малик аналитика». «Малик работа».

Ничего.

Лола лихорадочно открыла недавние вызовы. Он ведь звонил ей как-то по рабочему вопросу пару недель назад. Но среди входящих были только курьеры, спам от стоматологий и длинный список пропущенных от риелторов. Она не записала его номер. Она никогда не записывала номера тех, кто, по маминой классификации, «не имел перспектив». Зачем забивать память телефона балластом?

Пальцы уже не попадали по буквам от холода. Она залетела в рабочий Telegram-чат компании на двести человек, вбила имя в поиск участников.

Экран выдал серый кружок без аватарки.

«Удаленный аккаунт».

Ни телефона, ни юзернейма. Ничего.

Лола замерла посреди тротуара. Мимо с сырым шуршанием пролетали такси.

И в этот момент прямо в затылке, отчетливо, зло и безжалостно, раздался голос:

«Шлюха - она и есть шлюха, только ты бесплатная. Так, может, пора перестать ломаться? Бабки, тачки, сауны, шмотки - кайф же. Прайс бы озвучила, а ты строишь из себя тургеневскую барышню на Патриках. Или ты для своего Малика с макаронами в баночке себя бережешь? Так у тебя даже номера его нет, дура».

Лола сжала телефон так, что побелели костяшки.

- Заткнись… Сука… Что с моей головой?

Хотелось закричать прямо в ночное небо, но изо рта вырвался только белый пар.

«Метро, квартира, спать», - грозно сказала Лола себе.

А в воскресенье утром позвонили из районной больницы ее родного городка.

Обширный инфаркт. Реанимация. Состояние тяжелое, но стабильное.

Лола бросила в дорожную сумку первые попавшиеся вещи, не глядя на бренды, смыла остатки лака с ногтей и взяла билет на старый плацкартный поезд - на самолет денег не оставалось.

Шесть часов под перестук колес она смотрела в серое окно на бесконечные березы и чахлые заборы. Всю дорогу она ждала. Прислушивалась к себе.

«Ну? Скажи что-нибудь. Поиздевайся. Скажи, что я всё проебала».

Тишина.

Голос молчал. Внутри было пусто.

В больнице пахло хлоркой, вареной капустой и безнадежностью. Мать лежала на высокой железной кровати - маленькая, с серым лицом. Под капельницей. Без своих начесов, без командирского взгляда. Просто больная женщина, которая до смерти боялась, что её увидят в таком состоянии.

Она открыла глаза, увидела Лолу и слабо сжала ее пальцы сухой, шелушащейся рукой:

- Лолочка… приехала… Прости меня, дуру старую…

Лола опустилась на колени прямо на грязный больничный линолеум, уткнулась лицом в казенную простыню и впервые за много лет разрыдалась - страшно, навзрыд, смывая с себя весь глянец, все фильтры и всю фальшь последних десяти лет.

Вечером она пришла в квартиру матери.

Там стоял запах корвалола и старой бумаги. На кухонном столе стояла недопитая кружка с остывшим чаем.

Лола ходила по комнатам, трогая пыльные вещи. Заглянула в старый шифоньер. На верхней полке, среди стопок постельного белья с запахом нафталина, лежала потрепанная общая тетрадь в коленкоровом переплете.

Дневник.

Лола села на край продавленного дивана, включила торшер и открыла первую страницу.

Почерк матери - мелкий, нервный, убористый. Записи двадцатилетней давности.

«14 мая. Лолочке шесть лет. Сегодня она нарисовала на обоях море и домик. Плакала, говорит, хочет быть художницей. Господи, как мне страшно за нее. Отец опять пришел пьяный, выгреб все деньги из заначки, на хлеб не осталось. Плакала в ванной, чтобы дочка не видела. Художницей… На что она жить будет? Женщина должна стоять на ногах крепко. Надо выбить из нее эту дурь. Пусть идет на экономический. Главное - чтобы нашла богатого, надежного, чтоб не дрожала над каждой копейкой, как я…»

«2 сентября. Купила Лолке пальто на вырост на рынке. Торговалась до хрипоты, стыдно перед людьми. Она дуется, хочет красивое, как у дочки директора школы. Объясняла ей: красота ничего не стоит. Главное - сытость. Пусть думает о будущем, а не о шмотках. Не дай бог ей повторить мою судьбу…»

«19 октября. Развод, терпеть больше нет сил. Теперь одна. Только бы поднять девочку. Только бы пристроить в надежные руки. Пусть хоть силой, хоть обманом, но вырвется отсюда…»

«23 июля. Собралась на дискотеку в Дом культуры - не пустила. Пусть об университете думает, а не с бесперспективными таскается…»

Лола медленно закрыла тетрадь.

По щекам текли горячие слезы.

Она смотрела на старый сервант, на треснувшую ручку двери, на эту убогую квартирку и впервые видела не тирана, сломавшего ей жизнь, а перепуганную, затравленную нищетой девчонку, которая всю жизнь бежала от ужаса и пыталась построить из собственных страхов броню для дочери.

Лола прислушалась к себе, ища тот голос внутри своей черепной коробки.

- Ты здесь? - тихо спросила она в пустую комнату.

Тишина.

Ни шороха. Ни шепота. Пустота в голове.

Лола провела в городке неделю. Перевела мать в платную палату, наняла хорошую сиделку, оплатила лекарства на полгода вперед, опустошив все свои кредитки.

В Москву она возвращалась утренней «Ласточкой».

Она шла по перрону вокзала в простом свитере, без макияжа, с собранными в пучок волосами.

Она знала, что сделает в первую очередь.

Она войдет в офис. Подойдет к столу Малика. Сядет прямо на стул рядом, посмотрит ему в глаза и скажет:

«Привет! Угостишь кофе маленькую дуру? Сегодня я согласна на обед с тобой!»

Она влетела в бизнес-центр, взбежала по лестнице, распахнула стеклянные двери опенспейса.

На столе Малика не было монитора.

Не было стаканчиков с карандашами. Не было стикеров.

Стояла только одна картонная коробка, в которую уборщица сгребала забытые провода и пустые папки.

Лола замерла. Воздух застрял в горле.

Она подошла к соседнему столу, тронула за плечо коллегу-аналитика:

- Привет… А где Малик? Он на больничном?

Парень оторвался от монитора, равнодушно пожал плечами:

- А, ты же не в курсе была, тебя не было. Да уволился он. Еще в прошлый четверг расчет забрал. Ему в Питере оффер жирный сделали, тимлидом в крупный проект. Он одним днем собрался и уехал. Сказал, давно пора было сменить обстановку.

Лола смотрела на пустой ламинированный стол. На нем остался маленький круглый след от горячего кофейного стаканчика.

- Уехал?.. - эхом повторила она.

«Жирный оффер, и как я буду выглядеть теперь, если ему позвоню?» - подумала Лола.

«Как шлюха!» - раздался голос внутри.

Это было последнее, что голос ей сказал.

В кабинете психотерапевта тикали настенные часы.

Лола замолчала.

Она сидела неподвижно, глядя на свои раскрытые ладони. Дождь за окном стих, сменившись первым, робким, мокрым снегом, который тут же таял на асфальте.

Доктор медленно снял очки. Потер переносицу.

- Это тяжелый финал, Лола. Горький. Но вы должны понять самое главное: вы прошли колоссальный путь. Вы сепарировались от матери. Вы увидели истоки своей травмы. Вы сняли маску и впервые захотели настоящей, живой близости, а не глянцевой картинки. Вы стали взрослой.

Он сделал паузу, заглядывая ей в глаза:

- А тот голос? Внутренний критик, циник, который преследовал вас. Он ведь действительно исчез?

Лола подняла голову. Посмотрела на свое отражение в темном стекле книжного шкафа. Там сидела взрослая, усталая, настоящая женщина.

Она слабо усмехнулась:

- Исчез, доктор. Внутри стало совсем тихо. И от этого ещё хуже - одиноко.

Она помолчала секунду и добавила:

- Голос исчез.

Доктор мягко улыбнулся, щелкнул ручкой, закрывая блокнот:

- Время вышло, Лола. До следующего вторника?

- До следующего, - тихо сказала она.

Она накинула пальто, вышла на улицу и пошла к метро. Вокруг спешили тысячи людей с горящими экранами телефонов. Лола не доставала свой. Она просто шла, чувствуя, как холодные снежинки тают на ее горячих щеках. Прокручивая прайс в мыслях.

«Психотерапевты - мои любимые персонажи. Никто так виртуозно не упаковывает человеческое поражение в термин “личностный рост”».

ОТЕЛЬ ЖИЗНЬ

ЧАСТЬ 1. СМЕРТЬ

- Блядская локация. Ну вот какого хрена нас сюда спустили?

Хмурый, вытянутый, как тень от фонарного столба, силуэт с досадой сплюнул под ноги. Слюны, конечно, не было - чистая фантомная привычка из прошлой жизни, но жест вышел убедительным.

- Заткнись, Рэй, - огрызнулся второй, приземистый и плотный. Он нервно потирал серые ладони, похожие на сухую наждачку. - Распределитель дал сектор «Парк». Значит, ждём. Смена горит, баланс пустой. Ты домой хочешь с нулём вернуться?

Они слонялись по тёмной аллее старого парка втроём. Третий, мелкий и вертлявый, молча сидел на спинке деревянной скамейки, болтая ногами. Для редких вечерних прохожих они были просто холодным сквозняком, от которого мурашки шли по коже.

Октябрьский вечер был мерзким. Моросил мелкий дождь. Парк стремительно пустел.

- Да кого ты тут снимешь в девять вечера в дождь? - не унимался Рэй. - Двух бабок с палками для ходьбы? У них в запасе от силы года по три. Раздели на троих за вычетом налога распределителя - нам даже до горшка не хватит.

В этот момент мелкий на скамейке вдруг замер и вытянул шею:

- Тихо. Гляньте туда.

На краю гравийной дорожки сидел чёрный котёнок. Мелкий, тощий, уши торчком. И он не просто смотрел в темноту - его янтарные круглые глаза были намертво прикованы к ним троим. Голова котёнка медленно поворачивалась, следя за каждым их движением.

- Опа… шерстяной нас палит, - хмыкнул Рэй.

- Естественно палит, - буркнул плотный. - Думаешь, люди их просто так веками в домах держали и в койку к себе клали? Кошаки нас за версту чуют. Лучшая сигнализация от внезапного инфаркта. Если в доме кот - хрен ты к спящему подберёшься, чтобы сердечный клапан прижать, сразу орать начинает… Стоп. А ведь это шанс.

Котёнок глухо зашипел, вздыбил шерсть на загривке и, почуяв неладное, сиганул прямо на ствол ближайшей сосны. В два прыжка взлетел метра на три вверх, застрял в развилке мокрых веток и тонко, жалобно заверещал на весь парк.

- Видите? - Мелкий спрыгнул со скамейки. - Бежит.

По дорожке, мягко разрезая кроссовками гравий, приближался бегун. Высокий, поджарый, в дорогом ветрозащитном костюме со светоотражающими полосками, в беспроводных наушниках. Бежал легко, дышал через нос.

Перед глазами троицы воздух на секунду зарябил.

- Рэй! Системный чек… быстро! - выкрикнул Хмурый.

- Объект: Макс. Возраст: 28 лет. Статус: Предприниматель, ЗОЖ. Прогноз запаса: 51. Действуем, сучки, - быстро добавил Рэй.

- Я в ухо! - крикнул мелкий и устремился к объекту.

Наушники Макса странно затрещали. Он вынул их из ушей, вставив в бокс для перезагрузки.

«Странно, новые - нужно по гарантии вернуть», - подумал он и услышал писк котёнка.

Макс остановился, шумно выдохнул пар и убрал белый глянцевый кейс с наушниками в карман на молнии. Вечерняя тишина парка тут же обрушилась на него сыростью.

И сквозь эту тишину - отчаянный, надрывный писк.

Макс поднял голову. На уровне второго этажа, вцепившись когтями в мокрую кору сосны, висел чёрный комок шерсти. Котёнок дрожал всем телом, орал не затыкаясь и испуганно таращился куда-то в пустоту прямо перед деревом.

- Эй, бедолага… как тебя занесло-то? - тихо хмыкнул Макс.

Он подошёл к дереву и подпрыгнул, легко зацепившись за нижнюю толстую ветку. Подтянулся.

- Давай, давай, не просрите шанс, - ёрзал под деревом Мелкий.

Хмурый уже караулил в развилке, прямо над головой жертвы. Одно резкое трение ладоней о ветку сосны - и между ними вспыхнул мутный энергетический заряд. Древесина откликнулась мгновенно: смолу буквально выдавило наружу, превратив шершавую кору в ледяное мыло.

Макс перехватил ветку выше. Правая ладонь с размаху угодила в ледяную липкую жижу.

- Сука… - выругался парень сквозь зубы.

Пальцы мгновенно потеряли сцепление с деревом, проскользнули. Центр тяжести предательски качнулся назад.

- Рэй, добивай! - рявкнул Хмурый.

Рэй вихрем метнулся к левой ноге парня и вцепился в ахиллово сухожилие ледяной хваткой, выкручивая нерв.

Макса словно ударило током. В левой икре разорвалась бешеная, парализующая судорога - мышцу скрутило в твёрдый каменный узел. Нога сама собой поджалась, подошва кроссовка с визгом сорвалась с мокрого ствола.

Времени на страх мозг не выделил. Была только доля секунды, за которую мир перевернулся вверх ногами: чёрные ветки сосны, мутное серое небо, улыбка котёнка и бордюр под шейным позвонком.

Хруст и свой последний судорожный вздох Макс уже слышал со стороны.

Его душу вышибло из мясной коробки за миллисекунду до удара - с такой силой, будто выстрелили из пушки.

Рядом, неестественно подогнув руку, лежало его тело. Глаза Макса были приоткрыты и мутно пялились в темноту.

- Чисто пошло! Без реанимаций, в ноль! - раздался рядом восторженный визг Мелкого.

Макс в оцепенении обернулся. Вокруг трупа суетились двое, и теперь он видел их чётко: серые, жилистые силуэты со счастливыми, голодными оскалами.

В эту же секунду из груди мёртвого тела с хрипом вывалился третий - Рэй. Он тяжело дышал, трясся всем телом и остервенело отряхивал руки, будто испачкался в гнилой жиже:

- Блядь, к этому никогда нельзя привыкнуть! Жуть как больно, мерзко и долго!

- Рэй, пятьдесят один год! Сука, чистый пятьдесят один! - радостно вопил Хмурый.

- Стойте… - попытался закричать Макс, бросаясь вниз, к своему телу. - Стойте, уроды, что вы делаете?! Это моё! Это моя жизнь!

- Пошёл на хрен, - бросил Рэй, и они исчезли, словно растворились в воздухе.

Котёнок. Тот самый чёрный комок шерсти спокойно, задом наперёд, сползал по стволу сосны. Спрыгнул на мокрую траву, отряхнул лапы и уставился на Макса.

- Это всё ты, сволочь… Верни мне жизнь! - заорал Макс и метнулся к коту.

Но котёнок сорвался с места молнией и растворился в высокой траве у забора.

Макс замер. Там, где секунду назад сидел кот, на примятой сырой земле белел прямоугольник плотной бумаги. Обычная потёртая визитка с золотым тиснением, испачканная грязью.

Макс нагнулся.

«Ты получишь больше».

Это всё, что он успел прочитать.

ЧАСТЬ 2. РЕСЕПШЕН

Земля под ногами не просто исчезла - она лопнула, как тонкий лёд.

Макса с чудовищной силой всосало вниз, сквозь мокрую траву, сквозь гравий, сквозь пласты глины и камня. Желудок подкатил к самому горлу, в ушах заложило от бешеного перепада давления.

Удар.

Он со всего размаха приложился рёбрами о стерильно-белый, скользкий пол.

- Блядь! Какого хрена… - прохрипел Макс, инстинктивно хватаясь за шею.

Шея была цела. Но боль в затылке всё ещё пульсировала живым, горячим, раздирающим жжением. Ладони были перемазаны в сосновой смоле и дорожной грязи. На нём были всё те же беговые кроссовки, влажный от моросящего дождя ветрозащитный костюм со светоотражающими полосками, карман на молнии оттягивал кейс от наушников. Он всё ещё дышал - жадно, тяжело, с хрипом, втягивая воздух ноздрями.

Только воздуха не было, была привычка.

Здесь ничем не пахло. Ни пылью, ни озоном, ни тухлятиной. Абсолютный химический ноль.

Макс опёрся руками о ледяной пол и поднял голову.

- Где я, что за хуйня?..

Это был не ад и не рай. Это был бесконечный зал ожидания, похожий на чудовищных размеров терминал аэропорта, уходящий в белёсую мглу. Низкий потолок мерно гудел тысячами светящихся нитей.

И вокруг были сотни, тысячи людей.

Они стояли плотными, застывшими рядами перед длинной линией белых монолитных стоек. Зрелище было до жути абсурдным: люди были в том, в чём их застала смерть.

Слева от Макса переминался с ноги на ногу седой дед в байковом больничном халате с торчащим из вены катетером. Справа, прижавшись друг к другу спинами и испуганно озираясь, стояли абсолютно голые парень с девушкой - их кожа блестела от пота, зрачки расширены, дыхание сбито. Их выдернули прямо на пике фрикций, прямо из джакузи, и парень судорожно пытался прикрывать пах ладонями, пока девушка беззвучно глотала слёзы, дрожа всем телом.

Все они кричали, скулили, матерились, требовали вызвать скорую, полицию, адвокатов. Толпа гудела животным человеческим страхом.

А по ту сторону стоек царила идеальная, абсолютная тишина.

Там стояли сотрудники. Безупречно выглаженные серые рубашки, идеально симметричные лица, холодная фарфоровая кожа. Они не зевали, не раздражались на вопли, не вытирали пот со лба. У них не дёргался глаз.

- Следующий. Окно сорок два, - раздался ровный, синтетический голос оператора, не выражавший вообще ничего.

Макса словно невидимым сквозняком подтолкнуло в спину прямо к высокой матовой панели.

За стойкой стояла девушка - если это существо вообще можно было назвать девушкой. Идеальный пробор, пустые серые глаза, в которых отражалась сама пустота.

- Послушайте, - затараторил Макс, вцепляясь пальцами в край стойки и пачкая её сосновой смолой. - Какая-то ошибка! На меня напали в парке! Трое… трое уродов, один влез мне под рёбра, а кот… чёрный кот. Верните меня, у меня бизнес, у меня встреча завтра в девять!

Сотрудница даже не моргнула. На её лице не дрогнул ни один мускул. Она не посмотрела на его перепачканное лицо и порванный рукав.

- Протяните правую ладонь для финального аудита ёмкости, - произнесла она ровно, с вежливой, пугающей интонацией банковского терминала.

- Да вы слышите меня, блядь?! - сорвался на крик Макс, ударив кулаком по стойке. - Меня убили!

- Правая ладонь, - повторила она с той же громкостью и той же тональностью.

Макс тяжело задышал, чувствуя, как от бессилия и ярости пульс стучит в висках. Он с силой шлёпнул липкую от смолы ладонь на стеклянный квадрат в столешнице.

Из-под стойки раздалось:

«Идентификация объекта: Куб 18.112.7896.

Физический остаток неизрасходованной энергии: 81%.

Статус: Кармический узел, 6-й класс.

Баланс путёвки: пуст».

Сотрудница бросила мимолётный взгляд на Макса.

- Остаток энергии впечатляет. Нравственно здоровый образ жизни - хорош, - сказала она ровно, с застывшим лицом.

- Аудит завершён. Ваша путёвка полностью аннулирована третьей стороной. Приступаем к процедуре возвращения.

Макса охватила паника: он понимал, что возвращают его далеко не на Землю.

- Какого нахуй возвращения?! - Макс попытался отдёрнуть руку, но ладонь словно намертво приварило к стеклу.

- У вас есть возможность испытать последнее полное чувство, - предложила сотрудница.

- В пизду! - эмоционально выпалил Макс.

- Возможность исполнена…

Макса охватил безумный холод на миг, и всё стало…